

Павел Грушко: помогая еврею в себе

Павел Грушко в 1945 году

... и сегодня

85 лет исполнилось крупнейшему российскому испанисту, поэту, драматургу, переводчику, уроженцу Одессы Павлу Моисеевичу Грушко. О редкой фамилии и еврейских мотивах в творчестве, встречах с Евгением Евтушенко, Марком Захаровым и Пабло Нерудой, цензуре и отношениях с властью предержащими — в эксклюзивном интервью для «Хадашот»

Иосиф и Ципора Грушко

(из архива Павла Грушко)

— Павел Моисеевич, как ваше библейское отчество оказалось «в паре» с украинской фамилией?

— Эту фамилию, помимо украинцев, носят и евреи, и существуют две версии ее происхождения. По одной — это перевод испанской фамилии Перейра (от *la pera* — груша, исп.) — как известно, многие еврейские фамилии образовывались от названия растений и фруктов. Так что, возможно, мои предки — сефарды. По второй версии фамилия Грушко относится к так называемым «топонимическим» и происходит от местечка Грушка в Подолии. Мой отец — Моисей Иосифович Грушко — родом из Чуднова-Волынского (ныне Житомирская область), что на реке Тетерев. Так что Грушко — не псевдоним, как думают некоторые, а фамилия моего рода, и я ею горжусь.

— Кроме переводов с испанского, за что вы удостоены нескольких наград, вы известны своим поэтическим творчеством. Насколько сильны в нем еврейские мотивы?

— Дома на идише говорили редко. Отец хорошо знал еврейскую историю, читал на идише и иврите, помню с каким мрачным выражением лица, сквозь зубы он произносил слово *мэлиха* («власть»). Помню и нежное мамино *майне нешумэ* («моя душа»), *трейстелэ* («утешение моё»). Мама была домохозяйкой, но прекрасно играла на пианино. Осознание своей национальности пришло в эвакуации — «помогли» косые взгляды и разговоры о том, что евреи не воюют, а отсиживаются в тылу. Впрочем, я по сей день отыскиваю еврея в себе, как писал когда-то в стихотворении «Миньян»:

Подмосковье. Зима. Сорок пятый.

Мне неполных четырнадцать лет.

Я в молитвенном доме десятый.

«Посиди», — попросил наш сосед.

Вносят свиток. Тревожные лица.

В серебристых узорах окно.

Без меня девять взрослых молиться

почему-то не могут. Чудно!

Приобщенье к высокому плачу, —

то ли к жалобе, то ли к мольбе, —

я до смерти теперь не утрачу,

домогаясь еврея в себе...

У меня есть несколько стихотворений на еврейские темы, пьеса-либретто. В стихах «Звёзды блуждают...» по мотивам Шолом-Алейхема со ставшей широко известной арией «Каждый еврей — король». Кроме того, я перевел с испанского и английского несколько десятков стихотворений, затрагивающих эту тему, в том числе — поэта XIV века раввина Шем Това из Карриона — первого еврея, замечательно писавшего на испанском языке.

С Марком Захаровым в театре «Ленком»

— Большую часть жизни вы прожили в России, главный ваш рабочий язык — испанский. А что для вас значит Украина, откуда родом родители?

— Моя мама, в девичестве Хиня Яковлевна Левенштейн, родила меня в своей родной Одессе, чем я незаслуженно горжусь, поскольку уже через пару недель мама со мной на руках вернулась в Москву. Дед Яков был известным в городе краснодеревщиком, каждой из трех своих дочерей он подарил к свадьбе пианино и комплект мебели. Дед по отцу — Иосиф Грушко жил в Чуднове-Волынском и владел небольшим магазином по продаже

сельскохозяйственных инструментов. В начале прошлого века Чуднов был одним из важных центров Волынской губернии по торговле хлебом, скотом и лесом, половину жителей которого составляли евреи. Украина для меня — это две поездки до войны в Чуднов-Волынский. Это переводы из замечательной украинской поэтессы, лауреата премии Олеса Гончара, Софии Майданской. Но это и Бабий Яр, где нашли смерть дедушка Иосиф и бабушка Ципора.

— В этом году в Украине на государственном уровне отмечается 75-летие трагедии Бабьего Яра. Как, на ваш взгляд, должна быть увековечена память об этих событиях?

— Она уже увековечена мемуарами свидетелей этой трагедии, «Черной книгой», многими литературными произведениями на разных языках. Но, конечно, разумно было бы создать в этом месте мемориальный комплекс и исследовательский центр, что важно не только для евреев, но не менее важно, если вдуматься, и для Украины в целом. В свое время я посвятил памяти сгинувшего в Бабьем Яру деда стихотворение:

Ты старым был, но не от ветхих лет

утратил жизнь, а от визжащей пули...

<...>

И до сих пор меня терзает, дед,

не смерть, а то последнее мгновенье,

когда чужое рвение сочло

излишней роскошью твоё тепло на белом свете...

<...>

Какой туман, ручей или трава

приют последних мыслей в чистом поле?

Чем одолеть виденье это, дед?

Куда я спрячу этот ужас вечный —

то, как ты ждёшь отправки на конечный

тот свет, где неизвестно, есть ли свет?

— *Ваша молодость пришлась на послевоенные годы, эпоху борьбы с «космополитами». Государственный антисемитизм как-то повлиял на выбор профессии?*

— В 1949 году я не поступил на журфак МГУ, хотя уже имел публикации.

Отец моего одноклассника — парторг Московского пединститута иностранных языков Петр Сергеевич Бычков — посоветовал подать документы в этот вуз, благоразумно указав в графе национальность: украинец. Действительно, шла борьба с «космополитами», я внял его заботливому совету, но через год во всех анкетах начал писать «еврей». Приходилось сталкиваться с антисемитизмом и после института, в том числе среди писательской братии. Это, впрочем, меня не ожесточало, а вызывало чувство презрения, а иногда и жалости к антисемитам.

— *Как складывались отношения с властью предержащими? Вы ведь были выездным и не только на Кубу, которая стала вашей первой границей.*

— Куба стала моей первой границей благодаря режиссеру фильма «Я — Куба» Михаилу Константиновичу Калатозову (лауреат Каннского фестиваля, автор картины «Летят журавли», — прим. ред.). Он понял, что я нужен фильму как испанист и переводчик. Его авторитетными стараниями я был оформлен на выезд буквально за неделю, что в те времена было своеобразным «рекордом Гиннеса». В титрах фильма я значусь старшим переводчиком. Во время создания сценария Евгением Евтушенко и кубинцем Энрике Пинедой Барнетом я переводил фрагменты, из которых складывался текст. А главное

— на протяжении двух лет на Кубе находился рядом с кинокамерой выдающегося оператора Сергея Павловича Урусевского. Думаю, это в определенной степени отразилось на моем творчестве поэта и драматурга.

После Кубы я был несколько раз в Испании, во многих странах Латинской Америки. Проблем с выездом у меня не было, я ведь переводчик Гильена, Пабло Неруды (с которым встречался четыре раза) и многих видных писателей, творивших на испанском языке.

— *Цензура не допекала?*

— Не очень. Разве что мою пьесу-либретто по мотивам Пабло Неруды «Звезда и Смерть Хоакина Мурьеты» «заворачивали» одиннадцать раз. Из-за хора проституток, из-за образа Смерти, из-за фраз «Выправляй скорей бумаги и — айда!», «Здесь пустые миски, там рекою виски». Хотя потом в постановке Марка Захарова она 17 сезонов шла на сцене театра Ленком — состав был звездным — Абдулов, Караченцев, Алфёрова, Шанина. Результат творческого общения с Марком Захаровым, думаю, прослеживается во многих моих стихотворных пьесах, написанных после «Мурьеты».

— *Вы живете в Америке пятнадцать лет. Насколько последней волне эмиграции из бывшего СССР присущи неистребимый черно-белый взгляд на мир, непримиримость в суждениях, уверенность в своем культурном и ментальном превосходстве?*

— Люди старших поколений, конечно, не изменились. Я живу почти в центре Бостона, где много латиноамериканцев, что только радует — я ведь всю жизнь связан с испанским языком. А от соотечественников порой слышу, мол, там же много «черных»! Впрочем, и одна прелестная русская женщина в Нью-Йорке как-то обмолвилась, что одна из православных церквей находится в районе, где «синим-синё». Я не понял, и она разъяснила: «Ну, где одни баклажаны». И видя недоумение на моем лице, уточнила: «Ну, где негры». Вот вам и советское интернациональное воспитание...

А молодежь уходит в Америку. Жизнь здесь непростая, но рациональная, достойная, и люди, имеющие цель, добиваются ее легче, чем где бы то ни было. Признаюсь, мне хорошо живется и работается в Бостоне — удивительно красивом и улыбчивом городе. На письменном столе — книга воспоминаний и второй том моих избранных переводов — так что работа продолжается.

— Читатели «Хадашот» поздравляют вас с 85-летием, желают здоровья и успехов в творчестве.

— Хотя моя любимая строчка из самого себя «Я не достоин этого добра...», признаюсь, что это поздравление — одно из первых — и поэтому очень приятно.

Беседовал Вадим Фельдман, Бостон, специально для «Хадашот»